

Номинация возвышенного ландшафта в коми-пермяцком языке

Аннотация: В работе лингвистическому анализу подвергаются обозначения возвышенностей, представляющих собой одну из микросистем ландшафтной лексики суши. Основной целью исследования является установление этапов формирования данной лексико-тематической группы с древнейших времен до наших дней. Классификация номинативных единиц производится на основе внутрисистемных признаков, характерных только этому лексическому разряду. В статье анализируются названия как исконного, так и иноязычного происхождения.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, ландшафтная лексика, обозначения возвышенностей, исконный фонд, заимствования.

Работа является первым опытом системного анализа и описания обозначений возвышенного ландшафта коми-пермяцкого языка. По своему субстанциональному признаку предмет данного исследования относится к ландшафтной лексике суши, где благодаря внутрисистемным признакам (по составу объектов номинации и предназначенному для их номинации набору лексических средств, по происхождению и т.д.) представляет собой отдельную структурную единицу. Основным источником фактического материала послужила соответствующая часть словарного фонда коми-пермяцкого языка, содержащаяся в лексикографических изданиях (КПРС, КПРС-РКПС, Рогов 2006). Дополнительные данные получены в результате опроса некоторых носителей коми-пермяцкого языка по специально созданному для этого вопроснику. Сопоставительные примеры приводятся из коми-зырянского и удмуртского языков (КРК, РКС, УРС, РУС). Диахроническая классификация исконной части анализируемой лексики произведена с использованием реконструкций из этимологических источников (КЭСК 1999; Rédei 1988; Uotila 1938; Wichmann 1923-1924). Состав названий иноязычного происхождения и их источники устанавливаются с помощью исходных слов из соответствующей

литературы по русскому языку (Даль-1; Даль-2; СРГСУ-2; СРНГ-15; СРНГ-18; СРНГ-19; СРЯ-1; СРЯ-2; СРЯ-4).

К изучению ландшафтной лексики в пермском языкознании приступили совсем недавно. К настоящему времени по данной теме опубликовано несколько статей, из них коми-пермяцкому языку посвящена лишь одна работа [Ракин 2019].

Подавляющее большинство обозначений возвышенного ландшафта коми-пермяцкого языка относится к литературному языку. Что касается диалектных слов, в работе рассматриваются лишь те из них, которые приводятся в нормативных словарях с соответствующей маркировкой: *кырыл* сев. ‘склон (возвышенности)’, *материк* пукс. ‘возвышенность, покрытая хвойным лесом’.

С точки зрения генезиса обозначения возвышенного ландшафта представляют собой многоуровневую систему. В соответствии с хронологией происхождения в составе исконного фонда различаются допермские, прапермские, пракоми и собственно коми-пермяцкие образования.

Особенностью допермского фонда обозначений является то, что здесь отсутствуют слова, возникшие в прауральском языке, просуществовавшем до 4 тысячелетия до н. э. [Основы 1974: 409]. Остальные группы древней лексики, пусть и в меньшем количестве, чем в других пермских языках, например в коми-зырянском [Ракин 2019], имеются.

Так, к названиям прафинно-угорского периода – начало IV тысячелетия – конец III тысячелетия до н. э. [Основы 1974: 424] – относится слово *нõрыс* ‘холм; возвышенность между двумя лощинами; бугор; пригорок; грива’, кз. *нõрыс* ‘возвышенность; холм; бугор; пригорок; кряж’ < общеп. **nõr-is* ‘гора; возвышенность; холм’; < ф.-у. **närz* ‘возвышенность’ [КЭСК 1999: 195].

Существование финно-пермского праязыка приурочивают к периоду с конца III тысячелетия до середины II тысячелетия до н. э. [Основы 1974: 433]. Из числа обозначений возвышенностей к данной группе, как и к предыдущей, принадлежит одно коми-пермяцкое слово: *кыр* ‘возвышенность; гора’, кз. *кыр* ‘обрыв; гора’ < общеп. **kür-* [КЭСК 1999:153]; < ф.-п. **kurz* ‘холм;

возвышенность' [Rédei 1988: 677].

Ландшафтная лексика общепермского происхождения унаследована из прапермского языка, возникшего в результате распада прафинно-пермского языка-основы и просуществовавшего со II тысячелетия до н. э. до VIII века нашей эры [Хайду 1985: 49]. Обозначения данной хронологической группы употребляются только в современных пермских языках:

1) *йыв* 'вершина', кз. *йыв* 'вершина', удм. *йыл* 'вершина' < общеп. **jül* 'вершина' [КЭСК 1999: 113];

2) *мыльк* 'холм; бугор; горка; курган', кз. *мыльк* 'холм; бугор' < общеп. **mül'k* 'холм; бугор' [КЭСК 1999: 182].

Ландшафтная лексика пракоми происхождения. Данная группа древних названий характеризуется тем, что ее формирование происходило после завершения прапермской эпохи и расхождения предков коми с удмуртами, т. е. в период от 9 до 11 век нашей эры [Лыткин 1957: 25]. Поэтому этот разряд лексических единиц употребляется лишь в двух северных пермских языках: 1) *вывтас* 'возвышенность', кз. *вывтас* 'возвышенность' < прак. **vültas* 'возвышенность'; 2) *дзиб* 'возвышенность в дремучем лесу', кз. *дзиб* 'возвышенность; холм; горка' < прак. **ž'ib* 'возвышенность; холм'; 3) *керöс* 'гора; возвышенность', кз. *керöс* 'возвышенность; гора' < прак. **keres* 'возвышенность; гора'.

В диахронической иерархии анализируемой микросистемы самый верхний (или поздний) слой составляют собственно коми-пермяцкие обозначения, возникшие после отделения предков коми-пермяков от коми-зырян. Данная группа названий употребляется только в речи носителей современного коми-пермяцкого языка, на территориях проживания других родственных народов, они не встречаются.

В составе собственно коми-пермяцких обозначений структурно различаются однословные обозначения и составные названия. Все однословные номинативные единицы являются производными словами, которые кроме корневой части имеют служебные морфемы: словообразовательные и

формообразовательные.

Более половины производных слов образовано с помощью форманта *-ин* (*in*): *вылынiн* ‘возвышенность; бугор’, образовано от *вылын* ‘вверху’; *керöсаин* ‘гористое место’, образовано от *керöса* ‘гористый’; *кырылаин* ‘покатое место; склон горы’, образовано от *кырыла* ‘покатый’. Этот морфологический показатель соответствует кз. *-ин* (*in*), ср. *лёкин* ‘дебри, чаша’. Принято считать, что данный показатель появился в обоих коми языках в результате морфологизации самостоятельного слова *ин* ‘место’ < общеп. **in* ‘место’ [КЭСК 1999: 109]; Серебренников 1963: 147], восходящего к ф.-у. *šnз* ‘место’ [Rédei 1988: 592].

С помощью суффикса *-ыл* образовано диалектное слово *кырыл* сев. ‘склон (возвышенности); подножие (горы, обрыва)’, производящая основа *кыр* ‘возвышенность; гора’.

Следующий суффикс *-ок* также представлен единственными примером в системе обозначений возвышенностей: *керöсок* ‘пригорок’. Слово образовано от *керöс* ‘гора’. Этот формант имеет деминутивное значение и является продуктивным формообразовательным суффиксом в коми-пермяцком языке [Гантман 1985: 603; Серебренников 1963: 149].

Составные названия представляют собой сочетания из двух слов, структурные типы с большим количеством частей, например, трех- и четырехчленные, здесь отсутствуют. Вся совокупность составных названий возвышенного ландшафта состоит из следующих структурных моделей.

1. Структурная модель «существительное + существительное»: *керöс увт* ‘подножие горы’ (*керöс* ‘гора’, *увт* ‘низ, нижняя часть’), *кыр йыв* ‘вершина горы’ (*кыр* ‘гора’, *йыв* ‘вершина’).

2. Структурная модель «прилагательное + существительное».

2.1. Названия, образованные по модели «качественное прилагательное + существительное»: *джуджыт керöс* ‘высокая гора’ (*джуджыт* ‘высокий’, *керöс* ‘гора’), *зöм керöс* ‘крутая гора’ (*зöм* ‘крутой’, *керöс* ‘гора’).

2.2. Названия, образованные по модели «относительное прилагательное +

существительное»: *изъя керос* ‘скала’ (*изъя* ‘каменистый’, *керос* ‘гора’), *кероса места* ‘гористая местность’ (*кероса* ‘гористый’, *места* ‘место, местность’).

Определённую роль в развитии и пополнении ландшафтной лексики исследуемого языка сыграл иноязычный компонент. В составе лексики возвышенного ландшафта представлен лишь один тип заимствований – названия, проникшие из русского языка. Данная группа состоит из следующих слов: 1. *Веретья* ‘грива (сухая гряда на болоте)’ < рус., ср. *веретья*, *вереть* ‘возвышенная, сухая, не поемная гряда среди болот’ [Даль, 1: 180]. 2. *Гора* ‘гора’ < рус., ср. *гора* ‘значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью или выделяющаяся среди других возвышенностей’ [СРЯ, 1: 331]. 3. *Грива* ‘грива (возвышенность)’ < рус., ср. *грива* ‘несколько возвышенная гряда местности’ [Даль, 1: 395]. 4. *Косогор* ‘косогор’ < рус., ср. *косогор* ‘склон горы, холма’ [СРЯ, 2: 112]. 5. *Креж* ‘кряж, горная гряда’ < рус., ср. *крёж* ‘возвышенное место среди леса’ [СРГСУ, 2: 61], *креж* ‘крутой склон горы, скалы’ [СРНГ, 15: 207]. 6. *Материк* ‘возвышенность, покрытая хвойным лесом’ < рус., ср. *материк* ‘высокое сухое место на болоте, в поле’ [СРГСУ, 2: 120], *материк* ‘большой лес, тайга’ [СРНГ, 18: 23]. 7. *Мыс* ‘возвышенность; большой холм’; ‘бугор’ < рус., ср. *мыс* ‘небольшая горка’ [СРНГ, 19: 60]. 8. *Пока* ‘склон’ < рус., ср. *покат* ‘покатость, горный склон’ [Даль, 2: 239]. 9. *Скала* ‘скала’ < рус., ср. *скала* ‘каменная глыба с крутыми склонами и острыми выступами’ [СРЯ, 4: 102].

Таким образом, получены результаты лингвистического исследования словарного фонда коми-пермяцкого языка, который относится к возвышенному ландшафту. Данная микросистема в работе рассматривалась как на предметно-понятийном, так и на семантическом и структурном уровнях. Применение сравнительно-исторического метода исследования показало, что основная часть коми-пермяцкой лексики возвышенного ландшафта имеет древние истоки. Иноязычный компонент представлен поздними заимствованиями русского происхождения.

Список сокращений и условных обозначений

кз. – коми-зырянский язык, общеп. – общепермский язык-основа, прак. – пракоми язык, пукс. – пуксибский говор коми-пермяцкого языка, рус. – русский язык, сев. – северное наречие коми-пермяцкого языка, удм. – удмуртский язык, ф.-п. – финно-пермский праязык, ф.-у. – финно-угорский праязык.

Даль-1 – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1. М.: Рус. яз. 1989. 699 с.; Даль-2 – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 2. М.: Рус. яз. 1989. 799 с.; КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1985. 624 с.; КПРС-РКПС – Коми-пермяцко-русский словарь и Русско-коми-пермяцкий словарь. Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд.-во, 1993. 288 с.; КРК – Коми-роч кывчукор. Сыктывкар: коми кн. изд.-во, 2000. 816 с.; КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд.-во. 1999. 430 с.; РКС – Русско-коми словарь. Сыктывкар: Коми кн. изд.-во, 2003. 1104 с.; Рогов 2006 – Рогов Н. Пермязко-русский и русско-пермяцкий словарь. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд.-во, 2006. 403 с.; РУС – Русско-удмуртский словарь. М.: Гос. изд.-во иностр. и нац. Словарей, 1956. 1360 с.; СРГСУ-2 – Словарь русских говоров Среднего Урала, т. 2. Свердловск: Изд.-во Уральского государственного университета. 1971. 214 с.; СРНГ-15 – Словарь русских народных говоров. Вып. 15. Изд.-во «Наука», Ленинградское отделение. 1979. 399 с.; СРНГ-18 – Словарь русских народных говоров. Вып. 18. Ленинград «Наука», Ленинградское отделение. 1982. 367 с.; СРНГ-19 – Словарь русских народных говоров. Вып. 19. Изд.-во «Наука», Ленинградское отделение, Ленинград, 1983. 359 с.; СРЯ-1 – Словарь русского языка: в 4-х т. / Под редакцией А.П. Евгеньевой. Т. 1. М.: Рус. яз. 1981. 698 с.; СРЯ-2 – Словарь русского языка: в 4-х т. / Под редакцией А.П. Евгеньевой. Т. 2. М.: Рус. яз. 1982. 736 с.; СРЯ-4 – Словарь русского языка: в 4-х т. / Под редакцией А.П. Евгеньевой. Т. 4. М.: Рус. яз. 1984. 794 с.; УРС – Удмуртско-русский словарь. Ижевск: РАН УрО. Удм. ин-т. ИЯЛ. 2008. 925 с.

Литература и источники

Кривошеква-Гантман А.С. Краткий грамматический очерк коми-пермяцкого языка // Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1985, с. 596-621.

Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд.-во, 1957. 136 с.

Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., изд.-во «Наука», 1974. 484 с.

Ракин А.Н. Гидроландшафтная лексика коми-пермяцкого языка // Вестник Марийского государственного университета. Т. 13, № 2. Йошкар-Ола, 2019. С. 107-122.

Ракин А.Н. Ландшафтная лексика суши в коми языке (обозначения возвышенностей) // Финно-угорский мир в полиэтническом пространстве России: сборник по материалам VI Всероссийской конференции финно-угроведов (Ижевск, 4-7 июня 2019 г.) / Удм. ФИЦ УрО РАН- Ижевск: Изд.-во Анны Зелениной, 2019. С. 142-146.

Серебрянников Б.А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд.-во АН СССР. 1963. 392 с.

Хайду П. Уральские языки и народы. М., Изд.-во Прогресс, 1985. 430 с.

Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest. B 1-2. 906 p.

Uotila T.E. Syrjänische chrestomathy mit grammatikalischem und etymologischem Wörterverzeichnis. Helsinki, 1938. 198 p.

Wichmann Y. Etymologisches aus den permischen Sprachen. FUF, XVI. Helsinki, 1923-1924, pp. 185-212.

A.N. Rakin

Institute of Language, Literature and History

Komi Science Centre, Ural Branch, RAS

(Syktyvkar, Russia)

Elevated landscape nomination in the Komi-Permian language

Abstract: the linguistic analysis of the designation of hills that represent one of the microsystems of the landscape vocabulary of the Komi-Permian language, is performed. The main purpose of the research is to establish the stages of formation of this lexical-thematic group from ancient times to the present day. Classification of nominative units is made on the basis of intra-system features that are characteristic only of this lexical category. In the composition of the primordial fund, names of pre-Permian, common Permian, pra-Komi and Komi-Permian origin are identified and considered. The source of the non-primordial part, consisting of one type of borrowings, was the vocabulary of the Russian literary language and its Northern vernaculars.

Keywords: the Komi-Permian language, landscape vocabulary, designations of hills, primordial fund, borrowings.